К 80-летию со дня ухода
Л. И. Добычина
(28 марта 1936г)

Из Брянска –
в вечность с любовью

С 21 декабря 2015 года городская библиотека № 1 носит имя Леонида Ивановича Добычина, классика XX века, выдающегося самобытного писателя, отразившего на страницах своих рассказов жизнь нашего города 20-30-х годов. 16 лет он прожил в Брянске, служа в разнообразных конторах и мечтая уехать. В 1932 году он осуществил свою мечту – переехал в Ленинград, писал, был признан собратьями по перу идеологически враждебным и после писательского собрания 20 марта 1936 года исчез. Из жизни – навсегда, а из контекста русской литературы – надолго. Лишь в начале 80-х его имя стало возникать на страницах мемуаров Вениамина Каверина и Корнея Чуковского, Леонида Рахманова и Геннадия Гора… Его рассказы стали печататься сначала в газетах и журналах. Затем стали выходить книги. Впрочем, все это теперь хорошо известно, как и то, что творчество Добычина входит в число широко обсуждаемых литературных тем. Правда, зачастую (не обижая выдающихся литературоведов) хочется отметить, что эти рассуждения напоминают прокручивание ключа в сломанном замке – кажется, вот-вот волшебная дверца будет открыта, и мы поймем то, что называется тайной «маленького сочинителя». Но нет. Что-то ускользает от нас… Та запредельная степень честности, которая отличает писателя Л. Добычина, далеко не всем по плечу.

«Хотелось, чтобы… Добычина признали и в Брянске», − так озаглавлено предисловие к книге Эльвиры Степановны Голубевой «Писатель Леонид Добычин и Брянск», написанное А. Ф. Белоусовым, известным ленинградским исследователем-филологом. Именно с этой книги началось мое прикосновение к этой удивительной трагической и горестной судьбе. Именно с этой книги началось вхождение в мир писателя Л. Добычина, который уже никогда не отпустит… Написанная музыковедом и историком культуры, небольшая по объему книга, в которую вложен титанический труд, – это своего рода симфония со своим allegro, скерцо и финалом. Она словно дает ответ статье, напечатанной 28 января 1936 года в газете «Правда» и озаглавленной «Сумбур вместо музыки», где проза Добычина была признана плохой и ненужной. Книга Эльвиры Степановны Голубевой утверждает обратное – все в творчестве Добычина – это музыка. Каждое слово в ней выверено и единственно

возможно. С этой книги все изучение творчества писателя стало опираться только на многократно проверенные факты. В труде «Писатель Леонид Добычин и Брянск» автор словно отсутствует вообще. Даже на обложке нет упоминания – только на титульном листе. Это высокий класс краеведческого литературоведения, серьезного и честного, которое не создает документально не подтвержденных сомнительных легенд и не выхолащивает произведения писателя ради их подтверждения.

Книга Эльвиры Голубевой помогает легче войти в непростой мир добычинской прозы, она пропитана любовью к «уездному сочинителю». Почти не касаясь художественно-эстетических особенностей прозы писателя, Э. Голубева дает нам подробнейшие сведения о его родословной, биографии, окружении, местах пребывания, т. е. о культурно-историческом контексте брянских рассказов Л. Добычина. Но для многих из нас – это жизнь наших родных. И когда ты понимаешь, что Савкина, Ерыгин и Конопатчикова жили на одной улице с твоими бабушками, то смотришь на все другими глазами. Моя благодарность автору книги безмерна**. Она словно взяла нас за шкирку как котят и объяснила – смотрите на эти дома, запоминайте эти улицы, читайте, изучайте, помните этого писателя, единственного литературного классика, 16 лет жившего здесь, и описавшего Брянск 20-30-х годов и его обитателей**.

Эта книга – первая ступень к пониманию феномена Добычина. А признает Брянск или не признает писателя Добычина, какая разница теперь?! Оставим в стороне свой провинциальный снобизм. **Он уже сам вправе выбирать, кого впускать в свой мир, а кого – нет!**

Недавно я была свидетелем того, как молодой человек с хорошей дикцией, абсолютно лишенный страха перед аудиторией (перед этим непринужденно прочитавший лекцию), взявшись читать маленький рассказ Л. Добычина, стал спотыкаться на каждом слове и не смог впоследствии объяснить своего странного состояния… И когда кто-то из не допущенных в этот мир берет на себя право сказать: «Я не люблю Добычина», − у меня опускаются уголки губ, и хочется ответить словами Андрея Вознесенского: ***«Не троньте музыку руками!»***

Его произведения переведены на европейские языки, добычиноведение составляет более сотни научных работ. Не будучи литературоведом или лингвистом, я не считаю себя вправе анализировать стиль или эстетику, экзистенциальную доминанту его творчества, ибо этим должны заниматься профессионалы. Леонид Иванович Добычин посещал брянские библиотеки, приятельствовал с их работницами, а библиотекарша (по мнению А. Ю. Арьева) «непререкаемо положительный в русской культуре персонаж». К тому же, являясь прямым потомком героев рассказов Добычина (ну скажем,

девочки из рассказа «Портрет» - «чуждой элементки»), я пишу Вам письмо из Брянска.

«*Здравствуйте, «уездный сочинитель»!*

«Я к Вам пишу, чего же боле…». Однажды в письме Корнею Чуковскому Вы написали, как подверглись похвалам брянской старухи, прочитавшей в «Современнике» про Кукина. Она сказала: «Я очарована…» Потом Вы дали ей прочитать «Козлову», и она стала холодна. Причина ее холодности - святой Кукша и епископ с помоями. Мы по-прежнему хотим, чтобы нам «сделали красиво», не желая замечать помоев. Как будто без них бывает жизнь.

Вам кланяются Капитанникова, Конопатчикова, Берёзынькина и Вдовкин, а также Козлова, Савкина, Ярыгин и маленький Лешка. Мы как в зеркало смотрим в Ваши тексты, пытаясь разгадать, что же Вы зашифровали на этих страницах. В этом «культурно-историческом» контексте, который не слишком культурен и не историчен, а вечен. Наши горы по-прежнему бурые, а зимой грязно-белые, «исчерченные тонкими деревьями, будто струями дождя…»

Обнадеживает Ваше теплое отношение к библиотекаршам, кои, кстати, так же заманчиво раскладывают на столах, покрытых красной мануфактурой, книги на воздухе, но уже не в «прекрасном саду». И пароход уже не ходит, и река, где вы открывали купальный сезон с мая по октябрь, обмелела, «тина теперь да болотина там, где купаться любил». Впрочем, по склонам оврагов кое-где бродят Ваши библейские козы – Лидии (привет Сейфулиной), бывшие Жоржиками (привет Кукину), по теплой пыли бредут Ваши герои с побледневшими после купания лицами, и пахнут маленькие белые розы, и поблескивают рюмки, и пузатенькая церковь все так же смотрит из-за кленов.

Мы по-прежнему невыносимо многословны, категоричны и беспощадны в своих оценках (в отличие от Вас). В жизни нашей ничуть не меньше абсурда, чем в далекие 20-30-е годы. Этот абсурд изменил форму, но не свою суть – трезвая (иногда не совсем) жуть!

Вы могли на 2-3-х страницах развернуть целую панораму жизни растерянных, уставших от революций и войн обывателей на фоне полуразвалившихся деревянных домиков с завалинками. Для них единственным способом выжить было желание слиться с ландшафтом – не замечать, не вдумываться, не анализировать. Жить и все принимать как данность.

Утонула мечта Кукина – Лиз Курицына – есть другие интересные особы. И поправляется галстучек, потому что по улице идет Фишкина. И варится в саду варенье в медных тазах, и стоят на окнах бутыли с вишней и сахаром… И сорок восемь совслужащих поют на клиросе. Когда их изгнали из Ново-Покровского собора, срочно переделав его в кинотеатр, они ушли в

другие храмы. Власть от Бога, а жизнь бесконечна. Они стали очень осторожны, лишнего не болтали. Лишь в рассказе «Козлова» героиня шепчет: «Мерзавцы, гонители… Господи, когда избавимся?» Как показало время – никогда. Придут другие, будут гнать и творить мерзости уже по-своему.

Любите ли Вы своих героев? Близки ли они Вам? Принадлежали ли Вы к ним, или были сторонним наблюдателем чужой убогой жизни? «Я – не брянский»,- писали Вы. Вам казалось, видимо, что реализовать себя до конца можно только вне данного места. И кочует в литературоведении расхожая фраза о том, что глухая провинция погубила писателя. Вряд ли Вы не слышали фразу Блока о том, что «Петербург - глухая провинция». Все мы – обыватели, каждый из нас – мир упущенных возможностей, и все мы хотим уехать в город N, где нас будут любить. А любить нас никто не собирается, и «утешать никто не кинется». И не может быть иначе. Ни в Брянске, ни в Ленинграде, ни в Париже.

Тяжкий писательский труд таковым и останется, вне зависимости от того, служит ли человек статистиком в различных конторах или нет. Самое страшное для писателя – работа в пустоту, полное отсутствие реакции. Вас так высоко оценили Корней Чуковский, Вениамин Каверин, прочие собратья по перу. Да и Вы сами все про себя понимали и знали себе цену. Всенародно любимым массами писателем Вам не бывать, и слава Богу! Та запредельная планка честности, которую ставите Вы, немногим по плечу! Людям нужна определенность, схема, нужно кому-то сочувствовать и сострадать. Нужно, чтобы было «красиво». У Вас это слово, как и слово «любовь», практически отсутствует в тексте. Безусловную симпатию вызывают только Ваши литературные дети – Лешка, мальчишки из рассказа «Отец», герой романа «Город N».

Так почему же определенное число читателей так любит Ваши книги? Давно известно, что каждому писателю нужен талантливый читатель. В Вашем случае – исключительно талантливый!

Ведь что, прежде всего, заставляет человека отложить книгу в сторону? Это сквозящее между строк отвращение к жизни, ставшее для многих писательским кредо. Все меньше среди читателей желающих блуждать в лабиринтах эгоистических больных душ. Все меньше желающих углубляться в длинные запутанные тексты.

А Вы так любили жизнь! Ведь нельзя так описать ее, не любя. Так коротко, емко и зримо.

Л. Добычин – Вы писатель будущего. На каком-то ином уровне развития Ваши книги поймут гораздо глубже. Почему? Ваши рассказы не только музыкальны, но и кинематографичны, как сценарии. Нам дана канва, обозначен сюжет – дальше думайте сами в силу своего воображения. И это вас уже не отпустит. И вы будете думать: «А какая у мальчиков из рассказа

«Отец» будет мачеха? Не обидит ли она их? Или Л. Добычин описал последний счастливый день их детства? Иначе почему после этого рассказа хочется плакать?»

А этот ничтожный Жорж Кукин («Встречи с Лиз») может быть «поправил свой галстучек» и убежал в сад, под яблоню, рыдать по своей несостоявшейся любви. И эту странную утонувшую девочку он будет помнить всегда?

А болезнь и смерть козы становится для героини рассказа «Пожалуйста» Селезневой потерей всего, и ее «пожалуйста» гостю, который ей не нравился, это – «ничего уже не надо нам, никого теперь не жаль». И так с каждым рассказом. Неуспокоенная душа Ваша по-прежнему дарит сочувствие и жалость к малым мира сего. Просто это надо уметь рассмотреть. Вы так мечтали жить в городе, где Вас будут любить!

Из Брянска – в вечность с любовью!»

Наталия Пряничникова,
ведущий библиотекарь
Брянской городской библиотеки № 1
им. Л. И. Добычина